

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ЯНВАРЬ.

1883.

225
1883

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССХУ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. ВАЛАСHEBA.

Кварталъ, каналъ, между Вознес. и Маріинскимъ мостами, д. № 90-1.

1883.

СОДЕРЖАНИЕ.

Правительственныя распоряженія	
Топографія средневѣковаго Константинополья	Г. Дестуниса.
Къ исторіи крестьянскаго землевладѣнія въ Византіи	Ө. Успенскаго.
Прежнія воззрѣнія польскаго писателя Крацевскаго на бывшее Дитовское княжество, то-есть, западную Россію	М. Кояловича.
Кавказскія преданія о великанахъ, прикованныхъ къ горамъ	Вс. Миллера.
Новые архивные матеріалы для исторіи Грузіи XVIII столѣтія	А. Цагарели.
Критика и библіографія:	
Новыя изслѣдованія о буддизмѣ	И. Миннаева.
А. В. Лихачевъ. Самоубійство въ Западной Европѣ и Европейской Россіи. Опытъ сравнительно-статистическаго изслѣдованія	Д. А—на.
Графа за историју Краѣвине Србије. Време прве владе княза Милоша Обреновића. Приреднаги Вукашин <i>Г. Петровић</i> и Др. <i>Ник. Т. Петровић</i> . Книга прва, од 1815 до 1821 године	П. Кулаковскаго.
Труды третьяго международнаго съѣзда ориенталистовъ въ С.-Петербургѣ	Н. Веселовскаго.
<i>Rumänische Märgen, übersetzt von Mite Kremnitz.</i>	А. Веселовскаго.
По поводу сибирскаго юбилея.	
Императорская Публичная библіотека въ 1880 году.	
Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній: а) университеты.	
Александръ Осиповичъ Іонинъ. (Некрологъ).	И. Помяловскаго.
Отдѣлъ классической филологіи.	

(См. на 3-й стр. обертки).

КАВКАЗСКІЯ ПРЕДАНІЯ О ВЕЛИКАНАХЪ, ПРИКОВАННЫХЪ КЪ ГОРАМЪ.

Извѣстно, что развязка трагической судьбы титана Прометея происходитъ, по представленію древнихъ, гдѣ-то въ Азіи, и по видимому на Кавказѣ. Позднѣйшіе мифографы Аполлодоръ и Гигинъ прямо называютъ Кавказскій хребетъ мѣстомъ, гдѣ Прометей былъ прикованъ къ скалѣ. Но и болѣе древній авторъ, Эсхилъ, въ извѣстной трагедіи „Скованный Прометей“ указываетъ, хотя нѣсколько глухо, на мѣста Азіи, сосѣднія съ Скивами и Сарматами. Олицетвореніе силы (Кратос), въ діалогѣ съ Гефестомъ, открываетъ трагедію словами: „Мы пришли къ отдаленному предѣлу земли, къ свиному пути, въ недоступную пустыню“. Въ этой глуши долженъ Гефестъ приковать Прометея къ скалѣ. Въ дальнѣйшемъ ходѣ трагедіи хоръ оплакиваетъ судьбу узника въ слѣдующихъ словахъ, которыя содержатъ въ себѣ указаніе на мѣстность:

Всѣ племена, что обитаютъ
На лонѣ Азіи священной,
Съ тобою скорбятъ съ тобою страдаютъ
Въ твоей судьбѣ многоплачевной.
И дѣвы Колхиды безстрашныя въ битвахъ,
И Скивовъ народъ, что на крайнемъ предѣлѣ
Земли обитаетъ, у водъ Мэотійскихъ,
И племя Сарматовъ, любимцевъ Арея,
Живущее въ градѣ высокомъ въ верогахъ
Кавказа, та грозная рать, коей люблю
Стучать заостренными копьями шумно ¹⁾.

¹⁾ Стт. 410—424. Стихотворное переложеніе принадлежитъ профессору В. Г. Зубкову.

И такъ, если здѣсь и нѣтъ яснаго указанія на мѣсто заключенія Прометея, то во всякомъ случаѣ, по Эскилу, его сосѣдями были жители Колхиды (съ юга), жители побережья Азовскаго моря и Кавказскихъ горъ (съ сѣвера). Въ болѣе раннемъ изложеніи мѣста у Гезіода не находимъ и такихъ указаній на мѣстность. Въ *Θεογονίη* (ст. 522) говорится только, что Зевсъ привязалъ Прометея оковами къ столбу, къ срединѣ его (такъ что Прометей висѣлъ между небомъ и землею).

Такъ упорно державшесся убѣжденіе Грековъ, что Прометей былъ прикованъ гдѣ-то на Кавказѣ, должно необходимо имѣть какое-нибудь основаніе. Трудно думать, чтобы только капризъ воображенія перенесъ въ Азію, на Кавказъ, древняго національнаго бога, въ честь котораго въ Аоніяхъ ежегодно устраивались бѣга съ факелами, и котораго мѣст, связанный съ ранними успѣхами Эллиновъ въ культурѣ былъ на столько популяренъ, что послужилъ сюжетомъ знаменитой трилогіи Эскила. Причина приуроченія Прометея къ Кавказу должна быть та, что эти мѣста, по мѣтвію Грековъ, были какъ-нибудь связаны съ его мѣстомъ. Дѣйствительно, еще до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Кавказа ходятъ преданія о какомъ-то богатырѣ или великанѣ, прикованномъ Богомъ къ вершинѣ горъ. Мы рассмотримъ рядъ такихъ преданій въ географическомъ порядкѣ, двигаясь съ сѣвера на югъ, и затѣмъ возвратимся къ вопросу о причинахъ связи греческаго мѣста съ Кавказомъ.

У Кабардинцевъ до сихъ поръ ходитъ преданіе о великанѣ на горѣ Эльборусѣ. На вершинѣ ея есть громадный шарообразный камень, на которомъ сидитъ старикъ съ длинною до ногъ бородой, все его тѣло обросло сѣдыми волосами, ногти на ногахъ и рукахъ длинные и похожи на орлиные когти, красные глаза горятъ, какъ раскаленные угли. На шеѣ, по срединѣ тѣла, на рукахъ и ногахъ тяжелая цѣпь, которою прикованъ онъ съ незапамятныхъ временъ. Онъ прежде былъ близокъ къ великому Тха (богу) за свое благочестіе, но когда думалъ свергнуть его и стать выше, то погибъ въ борьбѣ и прикованъ къ скалѣ на вѣчныя времена. Немногіе его видѣли, потому что доступъ къ нему сопряженъ съ большими опасностями; никто не могъ видѣть его два раза: „кто пытался этого достигнуть—погибалъ“¹⁾. Старикъ находится большей частью въ оцѣ-

¹⁾ Газета *Кавказъ* 1846 г. № 35, стр. 140 статья *Султанъ-ханъ-Гирей*: Мифологія черкесскихъ народовъ.

пенѣніи, но когда пробуждается, то прежде всего обращается къ сторожамъ: „Растетъ ли на землѣ камышъ и родятся ли ягпята?“ спрашиваетъ онъ. „Камышъ растетъ и ягпята родятся“, отвѣчаютъ сторожа. Великанъ приходитъ въ бѣшенство, зная, что будетъ томиться до тѣхъ поръ, пока земля не перестанетъ производить камышъ и ягпаты. Съ отчаянія онъ рветъ на себѣ оковы, и тогда земля дрожить отъ его движеній, цѣпи его производятъ громъ и молнію, тяжелое дыханіе—порывы урагана, стоны—подземный гулъ, а слезы его—та бурная рѣка, которая съ неистовствомъ выбивается изъ подножья Эльборуса ¹⁾.

И такъ, подобно Прометею, черкесскій великанъ терпитъ наказаніе отъ Бога, противъ котораго онъ возсталъ.

Осетинское преданіе, которое намъ привелось лично записать на Кавказѣ отъ старика Осетина Таймураза Хетагурова изъ Нарскаго общества, называетъ великана по имени и рассказываетъ случай, когда его видѣлъ одинъ Осетинъ. Привожу это преданіе въ близкомъ переводѣ:

Амиранъ—такъ звали богатыря—былъ насильникъ, и Богу въ этомъ обида показалась. Поэтому Богъ его хитростью поймалъ и велѣлъ запереть въ пещеру. Одинъ охотникъ сбился съ пути и Богъ его привелъ какъ разъ къ двери Амирановой пещеры. У пещеры была мѣдная дверь; Богъ ее отворилъ. Охотникъ вошелъ и видитъ: сидитъ Амиранъ и смотритъ на него глазами величиной съ бычьи хомуты ²⁾. Охотникъ въ испугѣ отшатнулся назадъ. „Не бойся, мое солнце, мѣся, я Амиранъ и связанъ божьимъ проклятіемъ!“ сказалъ великанъ. Когда мальчикъ увѣрился (въ своей безопасности) онъ сказалъ: „Какого ты рода, что ты за чудо, и что ты здѣсь дѣлаешь?“ „Я Амиранъ изъ рода Дарезановъ ³⁾, я былъ насильникъ, не давалъ покоя людямъ на землѣ, спорилъ съ божьими дзуарами (ангелами, духами) и даже Бога самого ни во что ставилъ. Вотъ онъ развернулся надо мною и сюда меня пригналъ, и здѣсь я стою привязаннымъ. Если ты подашь мнѣ перевязъ моего меча, я тебѣ великое

¹⁾ Профессоръ горнаго института И. В. Мушкетовъ сообщилъ намъ изъ личнаго наблюденія, что западная вершина Эльборуса, если смотреть на нее съ востока, съ ледника Азау, сильно напоминаетъ своимъ очертаніемъ профиль испанской человѣческой фигуры.

²⁾ Деревянные обручи, надѣваемые на шею быкамъ.

³⁾ Семья богатырей, часто являющаяся въ нарскихъ (богатырскихъ) сказаніяхъ.

добро сдѣлаю". Охотникъ схватился за перевязь его меча (лежавшаго, вѣроятно, въ сторонѣ) тянетъ, тянетъ, но напрасно. „Будь милостивъ ко мнѣ, не могу! Чтò я могу сдѣлать?“ говоритъ охотникъ. „Привяжи одно предплечіе къ перевязи меча“, говоритъ Амиранъ, — „а другое предплечіе протяни ко мнѣ“. Охотникъ сдѣлалъ это. Амиранъ потянулъ, и члены охотника затрепали. „Будь милостивъ ко мнѣ, не вырви у меня душу!“ сказалъ мальчикъ. Амиранъ сжалился надъ нимъ и выпустилъ его. „Ступай“, сказалъ онъ, — „и принеси мнѣ вашу (домашнюю) цѣпь, унеси ее, не говори ни слова и, когда побѣжишь, не смотри назадъ, а не то дверь моей пещеры захлопнется“. Охотникъ исполнилъ приказаніе, схватилъ цѣпь и унесъ ее, не говоря ни слова. Но вслѣдъ за нимъ бросились родные и вся деревня: „Что за сумасшедшій! Куда несетъ онъ цѣпь?“ кричали они. Мальчикъ пустился бѣжать, и уже ему мало оставалось до пещеры; по видно Богу не было угодно и мальчикъ посмотрѣлъ назадъ. Мѣдная дверь пещеры захлопнулась и Амиранъ тамъ остался на вѣки ¹⁾).

Другое сходное осетинское преданіе изложено г. Н. Дункель-Веллинггомъ въ статьѣ подъ заглавіемъ: „Осетинская легенда о Прометей“ ²⁾. Въ примѣчаніи авторъ говоритъ: Легенда эта слышана мною въ Рачѣ, въ сел. Уцерго. Она также существуетъ у Осетинъ Мамисопскаго ущелья и подтверждается нѣкоторыми другими разказами“. Къ сожалѣнію, въ изложеніи автора легенда получила сильную фельетонную окраску. На счетъ этой окраски нужно отнести нѣкоторыя детали, слишкомъ близко напоминающія греческаго Прометея, мысль о которомъ несомнѣнно водила перомъ автора. Нѣтъ, конечно, основанія сомнѣваться въ завязкѣ легенды, въ томъ, что нѣкій пастухъ Бессо Симонишвили заблудился въ горахъ близъ Эльборуса, попалъ въ незнакомую, глухую мѣстность и услышалъ голосъ изъ расщелины. Но можно сильно сомнѣваться въ томъ, чтобъ онъ увидѣлъ въ расщелинѣ то, что его заставляетъ видѣть авторъ: „Прямо противъ свѣта, къ громадному камню былъ прикованъ толстыми цѣпями красивый полунагой ювона. Прекрасные голубые глаза его выражали отчаяніе, а отъ стоновъ и рыданій дрожалъ воздухъ темной пещеры; шелковистыя золотыя кудри въ безпорядкѣ лежали тучей на широкихъ плечахъ, съ которыхъ висѣли обрывки пурпурной маптіи, испещренной золотыми узорами; напряженные мускулы лица, рукъ и груди доказы-

¹⁾ См. наши Осетинскіе этюды, I, стр. 68 и слѣд.

²⁾ Газета *Кавказъ* 1859 г., № 20.

вали сверхъестественныя усилія вырваться изъ цѣпей, а глаза, горящія отчаяніемъ и злобою, выражали муки, которыя терпѣлъ этотъ странный узникъ. Прійдя въ себя отъ испуга, оправившись отъ удивленія, Бессо увидѣлъ, что весь полъ пещеры былъ усыпанъ монетами, золотыми и серебряными слитками, оружіемъ и драгоценными вещами, а въ стѣнѣ, противъ той скалы, къ которой былъ прикованъ несчастный, былъ ввинченъ обрывокъ толстой желѣзной цѣпи, схватить конецъ которой напрасно старался бѣдный узникъ "... Жаль, что ради посредственной картинки, автору вздумалось такъ размалевать осетинскаго великана. Къ чему понадобилось сдѣлать его юпшой красавцемъ, съ шелковистыми золотыми кудрями, съ прекрасными голубыми глазами и одѣть его пурпурной мантией? Конечно, ничего подобнаго не слышалъ авторъ отъ Осетинъ и ничего подобнаго нѣтъ въ другихъ кавказскихъ преданіяхъ того же рода. Хорошо еще, что эти преданія, записанныя болѣе научнымъ образомъ, даютъ намъ возможность провѣрить рачскую легенду въ изложеніи г. Дункель-Веллинга. Намъ приходится отбросить изъ нея и большую часть романтическаго разговора, завязывающагося между Бессо и узникомъ, причѣмъ послѣдній восклицаетъ точно на сценѣ въ мелодрамѣ: „Духи злобы! Неужели вѣка адскихъ мученій недостаточны для искупленія моего проступка!“ Далѣе нужно отбросить и коршуна, по увѣренію узника, грызущаго (sic) его внутренности. Можно оставить лишь суцпость легенды, заключающуюся въ томъ, что Бессо долженъ былъ подать узнику обрывокъ цѣпи, но онъ оказался слишкомъ коротокъ. Тогда узникъ проситъ Бессо сковать изъ стараго желѣза цѣпь, прикрѣпить ее къ обрывку и подать конецъ ему. Тогда онъ легко разорветъ свои оковы. Бессо соглашается исполнить просьбу узника. Онъ возвращается въ аулъ и собираетъ всякое старое желѣзо, чтобы перековать его въ цѣпь. Но односельцы, подозрѣвая, что онъ нашелъ кладъ въ горахъ, слѣдятъ за нимъ, когда онъ понесъ цѣпь къ пещерѣ. Бессо уже видитъ издали гротъ, но вдругъ скала съ отверстіемъ грота пошатнулась и повалилась въ бездну. Бессо вскрикнулъ и упалъ безъ чувствъ на землю.

Отъ Осетинъ перейдемъ къ ближайшимъ ихъ сосѣдямъ на югѣ, къ Грузинамъ. Подобно Осетинамъ, они называютъ эльборусскаго узника Амираномъ. Онъ заключенъ на Илбузѣ по слову Божию съ незапамятныхъ временъ. Желѣзная цѣпь, къ которой онъ прикованъ, такъ крѣпка, что никакія силы не въ состояніи ее разорвать сразу. Выѣстъ съ Амираномъ находится въ пещерѣ собака, которая безъ

устали лижетъ оковы своего господина. Она давно бы ихъ разливала, если бы грузинскіе кузнецы ежегодно, въ утро страстнаго четверга, не ударили три раза о наковальню. Отъ этихъ ударовъ цѣпь пріобрѣтаетъ прежнюю крѣпость, и Амирану суждено освободиться отъ оковъ только въ день втораго пришествія ¹⁾. Отмѣтимъ въ этомъ преданіи новую подробность—пса, лижущаго оковы узника, и обрядовые удары по наковальнѣ въ великій четвергъ. Въ другомъ варіантѣ того же преданія, сообщаемомъ г. Эминимъ ²⁾ разказывается о прикованномъ Амиранѣ, что въ великій пятокъ изъ нѣдръ земли выходитъ кузнецъ, сильно ударяетъ по утонченной цѣпи Амирана и она получаетъ прежнюю толщину. Затѣмъ кузнецъ исчезаетъ до слѣдующаго года. Къ тому же циклу относится имеретинское преданіе, сообщенное намъ въ Тифлисѣ княземъ В. С. Микеладзе. Въ нижней Имеретіи (Кутаисск. губ.) существуетъ общераспространенная легенда о богатырѣ-узникѣ Рокапи, прикованномъ цѣпями къ громадному чугунному столбу. Исполнись силится вытащить этотъ столбъ изъ земли. Но съ 14-го на 15-е августа (ночь эта въ Имеретіи извѣстна подъ именемъ ночи вѣдмъ), когда Рокапи дѣлаетъ послѣднія усилія и близокъ къ цѣли, прилетаетъ маленькая птичка, которая садится на столбъ. Узникъ ударяетъ въ это время громаднымъ молотомъ по столбу, чтобы убить птичку, но напрасно: птичка улетаетъ невредима, а столбъ вновь вбивается глубоко въ землю. Такимъ образомъ уничтожаются потребованшія цѣлаго года усилія прикованнаго богатыря. Къ этому добавляють, что если Рокапи когда-нибудь удастся освободиться, то настанетъ конецъ міру.

Обязательности Г. П. Потанини обязали мы двумя слѣдующими варіантами—грузинскимъ и абхазскимъ. Первый, сообщенный г. Демуріа со словъ Грузина Аслапа Геловани, разказываетъ подробности о томъ, за что былъ Амиранъ наказанъ Богомъ. Амиранъ былъ крестьянинъ Божій и потому обладалъ неимовѣрною силою. Разъ онъ воткнулъ въ землю длинную палку и каждому изъ прохожихъ приказывалъ тащить ее изъ земли: кто не могъ вытащить—отвѣчалъ головой. Палка была такъ глубоко всажена, что никто не былъ въ силахъ ее вытащить, и Амиранъ убивалъ всѣхъ безпощадно. Вотъ

¹⁾ Дубровинъ, Исторія войны и владычества Русскихъ на Кавказѣ, т. I, кн. II, стр. 159.

²⁾ Н. Эминъ, Моисей Хоренскій и древній эпосъ Армянскій. Москва 1881 г. стр. 78.

Богъ принимаетъ видъ старца, сходитъ съ неба и проходитъ мимо того мѣста, гдѣ воткнута палка Амیرана. Амیرанъ кричитъ старцу вслѣдъ: „Погоди, вынь палку, а не то,—убью!“ Богъ отвѣчаетъ: „Гдѣ тебѣ старцу, вытащить палку!“ Но безжалостный Амیرанъ, какъ раненый левъ, бросается на старика. Тотъ быстро однимъ пальцемъ вытаскиваетъ палку и налагаетъ на Амیرана проклятіе. Создавъ на горѣ стеклянный домъ, Богъ наложилъ на Амیرана оковы, заключилъ его въ домъ и положилъ неподалеку отъ него его мечъ. Ворота дома отворялись разъ черезъ каждыя сто лѣтъ. У Амیرана была маленькая собака, которая ежедневно лизала цѣпь, и къ великому четвергу цѣпь готова была разорваться; но утромъ на разсвѣтѣ этого дня кузнецы ударили по наковальнѣ молотами, и цѣпь снова стала цѣлюю. Однажды мимо Аміранова дома, въ то время когда ворота были открыты, проходили крестьяне, и увидя Амірана пустились съ испуга бѣжать. Тогда Аміранъ зоветъ ихъ къ себѣ, говоря, что онъ такъ-же, какъ и они, созданъ Богомъ. Крестьяне, поразмысливъ, вернулись; Аміранъ принялъ ихъ ласково, освѣдомился о ихъ житіи-бытіи и спросилъ ихъ: „Что это вы запрягаете восемь паръ воловъ въ какую-то палочку и ходите по полю?“ „Это плугъ“, отвѣчаютъ крестьяне,—„и мы пашемъ землю и добываемъ хлѣбъ“. Аміранъ проситъ у нихъ хлѣба, и взявъ кусокъ, сильно жметъ его рукою; изъ хлѣба потекла кровь. Потомъ онъ беретъ свой хлѣбъ, данный ему Богомъ, и при давленіи изъ хлѣба потекло молоко. Когда крестьяне собрались домой, Аміранъ попросилъ одного изъ нихъ принести ему бычевую (которая употребляется для запряганія воловъ въ плугъ) и сказалъ, чтобы, возвращаясь обратно къ стеклянному дому, крестьянинъ не оглядывался назадъ; въ противномъ же случаѣ ворота затворятся. Крестьянинъ, доставъ бычевую, идетъ къ Амірану; но жена его идетъ за нимъ и проситъ сказать ей, куда и зачѣмъ онъ идетъ. Своимъ приставаньемъ она надобдаетъ ему до того, что онъ, разсердившись, обращается назадъ и прогоняетъ ее домой. Вотъ приходитъ онъ къ тому мѣсту, гдѣ былъ Аміранъ, но не находитъ его: Аміранъ исчезъ невѣдомо куда. Теперь эту гору, которая находится въ Джавахетин, называютъ горой Амірана. Впрочемъ городъ Амірана называютъ также и Эльборусъ, и Араратъ.

Замѣтимъ, что въ этотъ варіантъ объ Аміранѣ вошли черты изъ другихъ кавказскихъ преданій о великанахъ. Параллель давленію

хлѣба находится, напрямѣръ, въ нашихъ Осетинскихъ Этюдахъ (ч. I, отд. III № 1 и отд. I № 12).

Абхазскій вариантъ, также сообщенный Г. Н. Потанину г. Демуріа, содержитъ въ себѣ ту подробность, что Амиранъ былъ прикованъ Богомъ къ Эльборусу въ верховьяхъ рѣчки Хадзильги (?). При Амиранѣ его пегасъ (рашь), который грызетъ его цѣпи. Когда цѣпь становится уже совсѣмъ тонкою, стоящая тутъ женщина въ черной одеждѣ прикасается къ ней палкою, и цѣпь становится цѣлою. Амиранъ былъ воспитанъ Абхазцемъ изъ рода Цицибаевыхъ. Цицибаевы пошли однажды вверхъ по рѣкѣ Хадзильги, чтобы посѣтить Амирана, но не могли дойти до него: они только слышали его голось. Онъ спросилъ ихъ „Растетъ ли у васъ папоротникъ (бвигра)?“ „Ничего нѣтъ обильнѣе папоротника“, отвѣчалъ Цицибаевъ. „Это несчастіе сказалъ Амиранъ;—а есть-ли у васъ рыжеволосые люди?“ „Есть“. И это несчастіе; а есть-ли у васъ виноградныя лозы, перекинутыя надъ тропинками?“ „Есть“. „И это несчастіе“. Говорятъ, Амирану послѣднее непріятно, потому что люди, проходя подъ лозами, должны наклоняться и какъ бы невольно чрезъ это кланяются Богу.

Обрядовые удары кузнецовъ существуютъ и у Армянъ, при чемъ приводятся въ связь съ армянскимъ Прометеемъ — Артаваздомъ. Моисей Хоренскій въ своей исторіи Арменіи сохранилъ любопытное преданіе, почерпнутое изъ народныхъ устъ. Разказавъ о смерти и погребеніи Армянскаго царя Арташеса, современника императора Адриана, онъ прибавляетъ ¹⁾: О немъ гохтенскіе пѣвцы поютъ такъ: „Во время смерти Арташеса, много было пролито крови по обычаю язычниковъ; огорчился Артаваздъ (его сынъ) и говоритъ къ тѣни отца: „Ты ушелъ, отецъ, и унесъ съ собою всю нашу землю; какъ же мнѣ царствовать надъ развалинами?“ За это Арташесъ проклялъ его, говоря: „Если ты пойдешь на охоту на свободный Масисъ ²⁾, тебѣ захватятъ духи ³⁾, повлекутъ на свободный Масисъ, тамъ останешься и свѣта не увидишь болѣе“. Старухи разказываютъ про него“—продолжаетъ Моисей Хоренскій—„что двѣ собаки безпрестанно грызутъ его цѣпи, и онъ сплится выйдти и положить конецъ міру, по что отъ звука ударовъ молота кузнецовъ снова оковы укрѣпляются. По этому самому даже и въ наше время многіе изъ кузнецовъ, слѣдуя

¹⁾ Исторія Арменіи Моисея Хоренскаго, пер. Н. Эмина, гл. 62, стр. 130.

²⁾ Масисъ—гора Араратъ.

³⁾ Къ адж на древнѣйшемъ языкѣ Армянъ значило духъ, по мнѣнію г. Эмина.

легендѣ, ударяють (молотомъ) о наковальню, чтобъ укрѣпились, какъ говорятъ, цѣпи Артавазда... Другіе говорятъ, что при рожденіи приключилось съ нимъ несчастье, и полагають, что женщины изъ рода Аждахака заколдовали его; почему и Арташесъ долго и жестоко пыталъ ихъ. Это самое такъ повѣстствуютъ пѣвцы въ легендѣ: „Дракониды украли младенца Артавазда и дѣва положила на его мѣсто“.

Ученый переводчикъ замѣчаетъ, что между персидскими Армянами, поселившимися въ Джульфѣ, предмѣстіи Испагани, до сихъ поръ существуетъ слѣдующій обрядъ у кузнецовъ: въ субботу вечеромъ, передъ тѣмъ, какъ запереть кузницу, кузнецъ съ молотомъ подходитъ къ наковальнѣ и со всего размаху три раза ударяетъ по ней ¹⁾.

О распространенности сказаній того же цикла у Армянъ свидѣтельствуютъ другіе варианты, приводимые г. Эминьмъ. Одна легенда называетъ прикованнаго великана Шидаромъ, сыномъ Артавазда. „Жилъ былъ царь Армянскій, по имени Артаваздъ. У него былъ сынъ помѣшанный по имени Шидаръ. Артаваздъ, умирая, не передалъ царства Шидару, такъ какъ онъ былъ сумасшедшій. По этой причинѣ пошла смута по нашей землѣ и немало было разореній. Разъ Шидаръ садится на коня, приказываетъ трубить въ трубы и повѣстить, что онъ желаетъ царствовать, самъ же съ избранными всадниками отправляется на охоту. И только что вѣхалъ онъ на рѣчной мостъ, нечистый духъ тотчасъ потрясъ его, и онъ упалъ въ рѣку и исчезъ. И всадники распустили слухъ, что боги Шидара схватили его и заключили въ черную гору, въ старшій Масисъ, наложивъ на него оковы. Двѣ собаки—одна бѣлая, другая черная—непрестанно лижутъ цѣпи Шидара. Къ концу года цѣпи его дѣлаются тонки, какъ волосъ. Если онъ порвется, Шидаръ выйдетъ и уничтожитъ нашу землю. Для предотвращения этого, кудесники постановили, чтобы въ исходѣ года, въ первый день мѣсяца навасарда, всѣ ковацы, какой бы работой ни были заняты, ударили три раза по наковальнѣ, дабы оковы Шидара, дошедшія до тонны волоса, толстѣли и крѣпчали; иначе выйдетъ Шидаръ и уничтожитъ нашу землю“.

Между турецкими Армянами ходитъ подобное преданіе, приуроченное къ мѣстности Вана. На востокъ отъ Ванской крѣпости видѣется небольшой горный хребетъ съ тремя вершинами, изъ кото-

¹⁾ *И. Эминъ*, Моисей Хоренскій и древній эпосъ Армянскій, стр. 76 и слѣд.

рыхъ средняя называется дверью Мхера. Она представляетъ собою гладко обтесанную скалу, имѣющую видъ двери, на которую сверху падаетъ каплями какая-то черная влага. Легенда гласитъ, что тамъ за дверью, по божьему повелѣнію, заключенъ Мхеръ съ своимъ конемъ... За тою дверью находится колесо, приводящее землю съ небомъ во вращательное движеніе. Мхеръ, не отводя глазъ отъ колеса, пристально смотритъ на него. Когда колесо остановится, Мхеръ получитъ избавленіе, выйдетъ и разоритъ міръ.

Армянское сказаніе представляетъ любопытный примѣръ наслоенія древнихъ эпическихъ мотивовъ на историческое имя, и самъ Моисей Хоренскій, указывая на свои источники, облегчаетъ намъ работу. По его свидѣтельству, смерть проклятаго отцемъ Артавазда произошла такъ: „Нѣсколько дней спустя послѣ восшествія на престолъ Артаваздъ, во время переѣзда черезъ мостъ города Арташата, чтобы идти на охоту на кабановъ и онагровъ, внезапно впалъ въ помѣшательство, и въ этомъ состояніи долго носился на копѣ безъ цѣли, пока наконецъ упалъ въ глубокую пропасть и пропалъ безъ слѣду“.

Этотъ странную и таинственную смертью царя воспользовалась народная фантазія и переплела событія знакомыми мотивами прежнихъ мифическихъ преданій. Артаваздъ отождествился съ персидскимъ Зохакомъ (у Фирдуса) или древне-иранскимъ змѣемъ Аждахака, упоминаемымъ въ Авестѣ. Извѣстный древній мифъ борьбы національнаго героя или бога со змѣемъ, духомъ тьмы и зла, принимаетъ у Иранцевъ политическую окраску: змѣй переходитъ въ личность тирана, царя другаго враждебнаго племени, и отъ гнета этого тирана освобождаетъ Иранъ какой-нибудь національный богатырь. На эту работу народной фантазіи указываетъ самъ Моисей Хоренскій, приводя народное преданіе, что Артаваздъ былъ околдованъ женщинами изъ рода Аждахака; онъ былъ подмѣненъ еще младенцемъ: „Дракониды украли младенца Артавазда и дѣва положили на его мѣсто“. Такимъ образомъ для народа Артаваздъ сталъ уже дѣвомъ, изъ рода Аждахака, первоначально змѣя, а затѣмъ Медійскаго царя, національнаго врага Ирана и Арменіи. Этому Аждахаку, врагу Кира и его армянскаго современника и друга Тиграна, Моисей Хоренскій посвящаетъ нѣсколько главъ (I кв. главы XXIV—XXIX включ.), въ которыхъ нѣкоторыя историческія черты переплетены иранско-армянскими народными мифами. Для насъ любопытно только двойственное преданіе о смерти Аждахака: по одному преданію, Аждахакъ былъ убитъ въ бою Тиграномъ. По другому, персійскому преданію, заи-

сенному въ видѣ дополненія къ 1-й книгѣ, „какой-то Руденъ (очевидно Феридунъ Шахнамэ и Фрайтаона Зендавесты) связываетъ Аждахака цѣплями, уводитъ на гору, называемую Дэмбавендомъ (Демавендъ)... ведетъ Бюраспа (собств. имя Аждахака—авестійск. Ваеуагазра) въ пещеру горы, заключаетъ его въ оковы и самъ становится скалою у входа пещеры. Устрашенный Бюраспъ повинуется своимъ оковамъ и не смѣетъ выйти и опустошать землю“ ¹⁾).

Такимъ образомъ уже изъ матеріала, доставляемаго Моисеемъ Хоренскимъ, можно вывести тожество преданія о заключеніи Артавазда на Араратѣ (Масисѣ) съ иранскимъ преданіемъ о заключеніи Аждахака на Демавендѣ; но мы все-таки рассмотримъ иранскія преданія на основаніи иранскихъ источниковъ, потому что найдемъ въ нихъ указаніе на поводъ къ эпическому отождествленію Артавазда съ Аждахакомъ.

Вотъ сущность исторіи Зохака у Фирдуси (X в.). Послѣ Тахмураса (въ Зендавестѣ Тахмурупа) на престолъ Персіи вступилъ сынъ его Джемшидъ (въ Зендавестѣ Йма-хшайто). Онъ царствовалъ 700 лѣтъ, ему подчинилась вселенная, повиновались дивы и пери. Онъ былъ царемъ-строителемъ, введшимъ культуру къ Персамъ: онъ научилъ ихъ изготовлять оружіе, шить одежды, раздѣлялъ подданныхъ на сословія, строилъ зданія и корабли. Такъ протекали триста лѣтъ, въ теченіе которыхъ люди не знали смерти, не имѣли понятія о трудѣ (sic) и повелѣвали дивами, какъ рабами. Но счастье подѣйствовало неблагоприятно на царя: онъ сталъ надмененъ и требовалъ себѣ поклоненія. Тогда божественная благодать оставила его.

Въ это время въ землѣ Тази (въ Аравіи) царствовалъ благочестивый царь Мердасъ, имѣвшій сыномъ Дохака или Зохака, прозваннаго также Пейвераспомъ (владѣтелемъ 10,000 коней). Однажды къ Зохаку явился Иблисъ (Ариманъ) и внушилъ ему желаніе овладѣть престоломъ. Въ саду была выкопана глубокая яма, сверху покрыта соломой. Туда по неосторожности упалъ старикъ отецъ, и Дохакъ овладѣлъ престоломъ чрезъ отцеубійство. (Отмѣтимъ здѣсь, что и Артаваздъ дурно относится къ своему отцу и подвергаетъ его проклятію. Быть можетъ, это было однимъ изъ поводовъ къ перенесенію на Артавазда и другихъ чертъ мива о Дохакѣ). Иблисъ, припавъ образъ красиваго юноши, явился новаромъ на службу Зохака и сталъ кормить его мясомъ, а до того времени люди вкушали только растительную пищу.

¹⁾ См. переводъ г. Эмина, стр. 72.

Въ награду за свою службу, Иблисъ просилъ позволенія царя поцѣловать его въ плечи. Отъ поцѣлуя духа тьмы, на плечахъ царя выросло по черной змѣѣ. Такимъ образомъ вълегендѣ челоуѣкъ—царь постепенно возвращается къ своему первообразу—змѣю. Зохакъ ищетъ средство отдѣлаться отъ змѣй, велить ихъ срѣзывать, но онѣ снова вырастаютъ. Тогда опять явился Иблисъ въ видѣ врача и совѣтовалъ Зохаку кормить змѣй челоуѣческимъ мозгомъ, чтобъ ихъ успокоить. Этимъ онъ думалъ обезлюдить міръ.

Вслѣдствіе возмущенія Иранцы отложились отъ Джемшида и провозгласили царемъ Зохака. Джемшидъ бѣжитъ, скрывается въ теченіе ста лѣтъ, наконецъ попадаетъ во власть Зохака, который велитъ распилить его надвое пилою. Зохакъ царствуетъ 1,000 лѣтъ, совершая безчисленныя злодѣянія: ежедневно приносятся въ жертву его змѣямъ два челоуѣка. Между тѣмъ изъ рода Джемшидова родится Феридунъ, будущій убійца Зохака. Отецъ его, Абтинъ, былъ убитъ Зохакомъ, но мать—Фирабекъ—спасаетъ младенца въ лѣсу, гдѣ его кормитъ чудесная корова Пурмаіэ. Затѣмъ мать съ ребенкомъ удаляется въ Гиндустанъ къ горѣ Албурзу, и отдаетъ сына на воспитаніе пустынику. Вслѣдъ затѣмъ Зохакъ приходитъ въ лѣсъ и убиваетъ Пурмаіэ. На 16-мъ году Феридунъ сходитъ съ Альбурза и спрашиваетъ мать о своемъ отцѣ. Фирабекъ рассказываетъ ему, что онъ происходитъ отъ царственнаго рода Тахмураса, что ихъ преслѣдуетъ Зохакъ, убійца отца его Абтина. Феридунъ клянется отомстить Зохаку. Обстоятельства благоприятствуютъ его памѣренію. Семнадцать сыновей испаганскаго кузнеца Каве были съѣдены змѣями Зохака; у Каве хотятъ отнять 18-го сына. Отецъ призываетъ народъ къ возстанію и вмѣсто знамени прикрѣпляетъ къ древку копыя свой кожаный передникъ. Такъ произошло государственное знамя Ирана. Около Каве собираются многочисленныя дружины и кузнецъ вызываетъ Феридуна быть ихъ предводителемъ. Феридунъ является вооруженнымъ булавою съ изображеніемъ коровьей головы (въ воспоминаніе Пурмаіэ) и выступаетъ противъ Зохака ¹⁾. Послѣ ряда походовъ, наконецъ Феридунъ поражаетъ Зохака булавою, но по приказанію ангела Сероша не убиваетъ его, а везетъ къ горѣ Демавенду. Здѣсь приковали Зохака къ скалѣ въ глубокой пещерѣ, гдѣ

¹⁾ Услуга Каве была щедро вознаграждена Феридуномъ: онъ сдѣлалъ его начальникомъ части войска и его потомки составляютъ знатнѣйшій родъ въ Персіи.

онъ время отъ времени выражаетъ свое бѣшенство землетрясеніями ¹⁾).

Въ заключеніе приведемъ любопытное свидѣтельство путешественника Морьера о мѣстныхъ преданіяхъ у Демавенда ²⁾: „Въ городѣ Демавендѣ, у подошвы соименной ему горы, замѣчаются развалины, носящія названіе замка Зохакова, и 31-го августа бываетъ праздникъ въ память низверженія тирана. Въ этотъ день всѣ жители, какъ изъ города, такъ и изъ всего Демавендскаго округа, собираются и предаются общему веселію; они развѣзжаютъ верхомъ на коняхъ и лошакахъ; окрестность оглашается радостными криками, а вечеромъ городъ и всѣ дома освѣщаются. Мѣстное преданіе говоритъ, что юпоша рѣшился убить Зохака, который жилъ у вершины Демавенда и ежедневно приносилъ по два человѣка на пожраніе паходившимся у него на плечахъ змѣямъ; въ случаѣ успѣха предпріятія, герой обѣщаль зажечь огонь на ближайшей вершинѣ. Умертвивъ Зохака, онъ въ самомъ дѣлѣ развелъ условленный огонь, въ память чего и бываетъ ежегодное освѣщеніе... Равно существуетъ повѣрье, что скованный Зохака живетъ въ подземной горной пещерѣ и причиняетъ землетрясенія, часто случающіяся въ этой странѣ“.

Припоминая теперь всѣ вышеприведенныя азіатскія сказанія—черкесское, осетинскія, грузинскія, армянскія и иранскія—мы замѣчаемъ, что личность, за которою мы начали слѣдить, какъ за великаномъ, прикованнымъ божествомъ къ скалѣ, мало по малу превращается въ змѣя, а въ божествѣ, приковавшемъ его, обнаруживается широко-распространенный во всѣхъ народныхъ сказаніяхъ типъ бога или богатыря змѣеборца. Такимъ образомъ мы имѣемъ возможность разбить всѣ эти легенды на двѣ группы: въ первую войдутъ многочисленныя легенды о змѣѣ, заключенномъ богомъ или богатыремъ подъ какойнибудь горой; во вторую—легенды о великанѣ, прикованномъ къ скалѣ въ какойнибудь горной пещерѣ. Последовательное обращеніе древняго змѣя, иранскаго Ажи-дахака (ведійскаго Ahi), въ царя Аждахака и затѣмъ въ царя Зохака наглядно показываетъ, что сказанія первой группы древнѣе сказаній второй. Но въ исторіи народныхъ сказаній происходитъ рѣдко такое явленіе, чтобы новый видъ сказанія вполнѣ вытѣснилъ прежній; напротивъ, обыкновенно

¹⁾ *Spiegel*, Eran. Alterthumskunde, I, p. 530—549; *Зимовьева*, Эпическія сказанія Ирана, стр. 53 слѣд.

²⁾ *Morier*, Second journey, p. 357; приведено у *Зимовьева*, стр. 60.

прежній продолжаетъ по мѣстамъ существовать одновременно съ новымъ и переходныя формы часто не сохраняются. Такъ, у древнихъ Грековъ, развившихъ сказаніе о Прометей, сохранилось и сказаніе, которое мы отнесли къ первой группѣ — сказаніе о Тифонѣ. Аналогія между послѣднимъ и Прометеемъ была ясна и для Эсхила; въ трагедіи „Скованный Прометей“ (стр. 347 и слѣд.) онъ влагааетъ въ уста олицетвореннаго Океана, утѣшающаго Прометея, разкажь о Тифонѣ: „Я видѣлъ землерожденнаго Тифона, нѣкогда жившаго въ Киликійскихъ пещерахъ, и сжался надъ воинственнымъ чудовищемъ, стоглавымъ, подвергавшимъ насилію другихъ; онъ воевалъ противъ боговъ, изрыгая смерть изъ страшныхъ зѣвовъ; изъ глазъ его сверкала горгонская молнія и, казалось, онъ овладѣтъ могуществомъ Зевса; но настигла его бдительная стрѣла Зевса, стремительная молнія, изрыгающая пламя; громкіе вопли выбила она изъ него; въ самое сердце пораженный, опаленъ онъ былъ молніей, и оглушенный громомъ утратилъ онъ силы. А нынѣ немощное, отверженное тѣло его лежитъ у морскихъ тѣсинъ подъ подножіемъ Этны; на вершинѣ же куетъ расплавленную массу Гефестъ; но оттуда нѣкогда вырвутся потоки огня, пожирая дикими челюстями обширныя посѣвы плодovitой Сициліи...

Конечно, если мы станемъ разсматривать Прометея такимъ, какимъ его впоследствии сдѣлала фантазія греческихъ поэтовъ-философовъ, то въ этомъ благодѣтель и заступникъ человѣческаго рода трудно открыть зѣбное происхожденіе. Но нужно вспомнить нѣкоторыя черты, сохранившіяся въ культѣ и мѣстныхъ преданіяхъ, и тогда это родство станетъ уже значительно яснѣе. Прометей принадлежитъ къ породѣ титановъ, этихъ враговъ олимпійскимъ богамъ, наравнѣ съ Вріаревсомъ, Атлантомъ и другими. Какъ Тифонъ — олицетвореніе земнаго огня, заключеннаго въ нѣдрахъ огнедышащихъ горъ, такъ и Прометей носитъ званіе огненоснаго бога (*ὁ πυρφόρος θεός*) и приносить огонь съ неба на землю, хотя огонь, принесенный имъ, уже сталъ символомъ культуры, а не истребленія, какъ стихійный огонь Тифона-Дахаки. Въ честь Прометея, древнаго бога огня, въ Аѳинахъ ежегодно устраиваются бѣга съ зажженными факелами, причѣмъ побѣдителемъ остается тотъ, кто первый съ своимъ факеломъ достигаетъ цѣли ¹⁾).

Родство Прометея съ Тифономъ видно далѣе и въ роли Гефеста

¹⁾ Pausan. I, 30.

при борьбѣ Зевса съ тѣмъ и другимъ. Гефестъ, этотъ олимпійскій кузнецъ, устроилъ свою кузницу надъ трупомъ Тифона; онъ же, по повелѣнію Зевса, какъ это видно изъ начала трагедіи Эсхила, приковываетъ Прометея къ скалѣ. Отмѣтнимъ азіатскую параллель Гефесту въ личности ведійскаго Каууа цапа, сопровождающаго Пидру въ бою его съ змѣемъ Аби и выковывающаго ему перунъ, и иранскаго, испаганскаго кузнеца Каве, поднявшаго знамя возстанія противъ Зохака. Память объ этомъ кузнецѣ-змѣеборцѣ (ср. русскую легенду о Кузьмѣ и Демьянѣ и Борисѣ и Глѣбѣ) сохраняется въ обрядовыхъ ударахъ испаганскихъ и армянскихъ кузнецовъ по наковальнѣ, съ цѣлю укрѣпить оковы скованнаго великана-змѣя. Эти удары раздаются не только на востокѣ, но и на западѣ въ Германіи, что свидѣтельствуется о глубокой древности обряда. Такъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ въ Тиролѣ вечеромъ наканунѣ праздниковъ кузнецы ударяютъ три раза по наковальнѣ, чтобы прикрѣпить цѣпи Луцифера, который иначе можетъ вырваться наружу и перевернуть міръ. Въ другихъ мѣстахъ, напримѣръ, въ Вильдшѣнау, мѣсто Луцифера заступаетъ волкъ, сидящій на тройной желѣзной цѣпи за девятю желѣзными дверями. Въ Вальдкирхенѣ, въ нижней Баваріи, послѣдній, оставляющій кузницу, кузнецъ ударяетъ разъ по наковальнѣ, чтобы чортъ не могъ перепилить своей цѣпи. Онъ пилитъ постоянно, такъ что ко дню св. Іакова (25-го іюля) цѣпь становится тонка, какъ нитка. Но въ этотъ день, если исполняется обрядъ, цѣпь снова утолщается ¹⁾). Перенесеніе роли древняго змѣя на діавола находимъ, по свидѣтельству Гана, и у Альбанцевъ. По ихъ сказаніямъ, чортъ прикованъ огромною цѣпью къ скалѣ. Онъ гложетъ цѣпь въ теченіе цѣлаго года, и къ великой субботѣ звенья ея тонки, какъ бобовые листья; но въ Свѣтлое воскресенье приходитъ Спаситель и приковываетъ діавола новою цѣпью ²⁾).

Къ переходному типу между змѣемъ и человѣкомъ принадлежитъ скандинавскій Локи, котораго связь съ древне-арійскимъ змѣемъ указана Маннгардтомъ ³⁾, и сходство съ греческимъ Прометеемъ развито Ганомъ ⁴⁾. Подобно Тифону и Прометею, Локи, за смерть Вальдура, прикованъ Торомъ въ пещерѣ надъ тремя утесами. Надъ головою

¹⁾ См. другія подробности у *Mannhardt*, *Germanische Mythen*, p. 87.

²⁾ *Alban. Studien*, I, 156.

³⁾ *O. c.*, pp. 84 и слѣд.

⁴⁾ *Sagwissenschaftliche Studien*, pp. 140 и слѣд.

его боги прикрѣпили ядовитаго змѣя, котораго ядъ постоянно каплетъ узнику на лицо. Жена Локи Sigyn держитъ подъ капающимъ ядомъ тазъ, по когда онъ переполняется, то нѣсколько капель падаютъ на Локи, и онъ корчится такъ сильно, что потрясаетъ всю землю. Отъ этого происходятъ землетрясенія.

Другую группу легендъ, въ которыхъ змѣй замѣненъ уже великаномъ, представляютъ, кромѣ греческаго, сказанія черкесское, осетинское, абхазское и грузинское объ Амираяѣ. Къ этой группѣ относятся множество нѣмецкихъ сказаній о древнихъ царяхъ Карлъ Великомъ, Барбароссѣ, спящихъ глубокимъ сномъ въ нѣдрахъ какойнибудь горы. Это славные національные короли, которымъ суждено проснуться въ отдаленномъ будущемъ, когда мѣръ переизмѣнится, и воспрянуть къ новой дѣятельности. Такъ въ Кифгэйзерѣ до сихъ поръ сидитъ Фридрихъ Барбаросса и будеть сидѣть тамъ до страшнаго суда. Когда онъ выйдетъ, то повѣситъ щитъ свой на сухое дерево, которое немедленно расцвѣтетъ и зазеленѣетъ. Тогда наступятъ лучшія времена.

Какъ кабардинскій эльборусскій узникъ спрашиваетъ своихъ сторожей: родятся ли еще ягнята и растетъ ли камышъ на землѣ, такъ нѣмецкій императоръ, пробуждаясь по временамъ отъ сна, спрашиваетъ: летаютъ ли еще вѣроны вокругъ горы? На утвердительный отвѣтъ онъ говоритъ: „Видно, еще мнѣ спать сто лѣтъ!“¹⁾

Въ заключеніе возвращаемся къ поставленному нами вопросу объ отношеніи греческаго Прометея къ кавказскому, и отвѣтъ на этотъ вопросъ вытекаетъ самъ собою изъ ряда разсмотрѣнныхъ родственныхъ сказаній. Греки, подобно другимъ арійскимъ народамъ, вынесли изъ Азіи широкораспространенный чуть ли не у всѣхъ народовъ мифъ о борьбѣ бога свѣта съ змѣемъ, о побѣдѣ перваго надъ вторымъ и о заключеніи змѣя подъ гору. Последняя форма сказанія развилась особенно у народовъ, знакомыхъ съ волкамими. Затѣмъ у Грековъ же были представленія о низшествіи земнаго огня съ неба, причемъ божество, принесшее людямъ огонь, въ теченіе времени, при смѣнѣ древнихъ вѣрованій новыми и прежнихъ боговъ новыми типами (Олимпійцами), становится такимъ образомъ соперникомъ новому міродержцу Зевсу и переходитъ въ разрядъ титановъ, бунтовщиковъ, приравниваясь вслѣдствіе этого къ древнему змѣю. Понятно, что этого древняго бога огня, при новомъ порядкѣ вещей, должна

¹⁾ Grimm, Deutsche Sagen, № 23, стр. № 28.

постигнуть судьба древняго змѣя, и прежній мнѣ наслоятся на другое лицо. Какъ соперникъ Зевса, Прометей такъ-же долженъ быть прикованъ къ скалѣ, какъ былъ нѣкогда скованъ Тифонъ, соперникъ того же Зевса.

Такова канва тина Прометея, хотя конечно эта канва еще не можетъ объяснить намъ всѣхъ художественныхъ узоровъ, выведенныхъ по ней артистическою и философскою мыслью Грековъ. Работа Грека покажется намъ особенно высока, если мы сравнимъ тинъ Прометея, какъ онъ изображенъ Эсхиломъ, съ разными чудящими востока—Зохакомъ, Амраномъ, Рокани, Шидаромъ, Мхеромъ, которые несомнѣнно однако представляютъ его ближайшую родню. Греки, перенесли мѣсто наказанія своего героя на Кавказъ. Но едва ли это объясняется азиатскимъ происхожденіемъ Прометея. Намъ кажется вѣроятнѣе, что географическая подробность, которой притомъ нѣтъ у Гезіода, явилась позднѣе, когда мнѣ уже сложился, и объясняется тѣмъ, что вслѣдствіе сношеній съ Кавказомъ Греки могли услышать тамъ преданія о прикованномъ къ скалѣ великанѣ и увидѣть въ послѣднемъ своего Прометея. Мы знаемъ, напримѣръ, что они же заставляли путешествовать своего Геракла по всѣмъ извѣстнымъ землямъ, едва только находили въ туземныхъ преданіяхъ черты, напоминавшія имъ ихъ національнаго полубога. Вспомнимъ также, что армянское преданіе о прекрасномъ царѣ Арѣ попало въ сочиненія Платона. Все это можетъ подтвердить наше объясненіе локализациі Прометея на Кавказѣ.

Вс. Миллеръ.